

ПРЕДИСЛОВИЕ

Античная эпоха отделена от нас тысячелетиями, наполненными пожарами, войнами, глобальными культурными переворотами, масштабными переселениями племен и народов. Они повлияли на многое, в том числе привели к утрате огромного количества больших и малых сочинений древних авторов. Тем не менее греко-римское письменное наследие, к которому имеет возможность приобщиться наш современник, достаточно богато. Оно представлено самыми разными произведениями философов, историков, географов, поэтов, драматургов, юристов, специалистов в области военного дела, риторики, сельского хозяйства и архитектуры. Есть в этой массе античных текстов труды, обладающие особой историко-культурной значимостью. Представленная в данном издании книга, в оригинале носившая латинское название *De vita Caesarum* («О жизни цезарей»), безусловно, относится к их числу. Она написана в весьма популярном в Риме I–II вв. н.э. биографическом жанре, ориентированном не на изложение исторических событий как таковых, а на рассказ о выдающихся личностях. Интерес к подобной литературе был обусловлен самим характером эпохи, ознаменовавшейся медленным отмиранием древних республиканских институтов и становлением единовластия императоров, олицетворявших собой государство и, конечно же, приковывавших к себе всеобщее внимание. Самым известным античным биографом является грек Плутарх, чьи «Сравнительные жизнеописания» никогда не пропадали из поля зрения образованной части населения европейских стран и России. Впрочем, младший современник Плутарха римлянин Гай Светоний Транквилл сумел создать произведение столь же влиятельное и уж явно не менее интересное.

Светоний, чья жизнь пришлось на последнюю треть I — первую четверть II в. н.э., был сравнительно близок к высшим эшелонам власти. Происходя из достаточно престижного всаднического сословия, он водил дружбу со многими высокопоставленными людьми своего времени, в том числе с известным

государственным деятелем и писателем Плинием Младшим. Последний характеризовал друга как «книжника» и «образованнейшего человека». Некоторое время Светоний даже выступал в роли советника самого императора Адриана, общаясь с ним как минимум посредством переписки. Тем не менее политическая карьера для Светония закончилась не вполне благополучно. В 122 г. н.э. приказом императора он был под явно надуманным предлогом отправлен в отставку, после которой всецело посвятил себя литературной деятельности. Она привела к созданию более десятка произведений, сейчас, к сожалению, в основном известных лишь по названиям. Иная судьба ждала «Жизнь двенадцати цезарей» — сборник биографий римских правителей от Гая Юлия Цезаря до Домициана, ставший главным литературным наследием Светония. Это сочинение дошло до наших дней не полностью, так как утеряна его первая часть, включавшая авторское название, посвящение и начало биографии Гая Юлия Цезаря. Тем не менее для произведения, написанного без малого двадцать веков назад, подобная сохранность является весьма хорошей.

Ознакомившись с содержанием лишь нескольких приведенных Светонием биографий, легко понять, что писатель выстраивает их по одной схеме, в жертву которой приносит, казалось бы, естественный для выбранного жанра хронологический принцип. Начинается каждый из очерков с описания происхождения правителя и его пути к власти, далее последовательно сообщается о государственной деятельности, личной жизни, внешности, обстоятельствах смерти и похоронах. В итоге получилось не повествование об истории Рима времен того или иного императора, а рассказ о личности, где эпоха выступает лишь фоном. Специалисты в области латинской филологии называют литературный стиль Светония весьма сухим, лишенным типичных для римских сочинений его времени риторических приемов, сравнивают его с языком деловых записей или юридических текстов. В «Жизни двенадцати цезарей» действительно форма подчинена содержанию в виде излагаемых фактов, однако именно они не позволяют считать указанное сочинение скучным, так как имел место особый подход к подбору материала. Сейчас констатируется, что

лишь на ранних этапах работы над биографиями императоров Светоний имел доступ к архивам римского государства и потому большую часть своего сочинения создал при опоре на исторические сочинения, критические памфлеты, тексты официальных указов и законов, воспоминания отдельных лиц. Как и другие писатели древности, Светоний крайне редко указывал источники приводимой информации, однако по отдельным упоминаниям можно сделать вывод о наличии в его распоряжении около трех десятков трудов авторов предшествующего времени. Помимо того, Светоний часто обращался к ходившим в его время слухам и сплетням. В итоге была собрана богатейшая россыпь данных, отличавшихся самой разной степенью достоверности. Это обстоятельство обусловило жаркие дискуссии, которые ведут на страницах научной печати современные историки, пытающиеся отделить приводимые в «Жизни двенадцати цезарей» реальные факты от откровенного вымысла.

Сам Светоний, видимо, прежде всего стремился создать максимально интересное его современникам повествование. Передавая наиболее поразительные, пикантные, а местами и просто ужасающие сведения о сильных мира сего, автор не стеснялся дополнять их личными оценками и предположениями, не боялся приводить взаимоисключающие сообщения, в большинстве случаев рисуя образ деспотичных владык, находившихся в плену тех или иных пороков. Иногда на этом фоне выделяются правители, к которым Светоний относится относительно хорошо. Это Октавиан Август и Тит, однако и их портреты писатель снабдил рядом нелицеприятных деталей. Не избежал подобного отношения и сам Гай Юлий Цезарь: в произведении он назван «божественным Юлием», но раскритикован за любовь к роскоши, порочные связи с женщинами и мужчинами, чрезмерную заботу о собственной внешности. Говоря о мотивах Светония, исследователи обращают внимание на его симпатию по отношению к римским сенаторам, чью сторону биограф неизменно принимает при описании конфликтов между аристократической элитой и императорами. Исходя из этого, иногда предполагается, что Светоний являлся последовательным противником монархии и сторонником прежних

республиканских порядков. Тем не менее большинство ученых сейчас считают писателя ценителем взвешенной политики императоров из династии Антонинов, на годы правления которых пришлось его творчество и чьим достоинствам Светоний противопоставил пороки предшественников.

Как бы то ни было, именно благодаря «Жизни двенадцати цезарей» появился устойчивый образ не просто ослепленных властью, сумасбродных и развращенных правителей Римской империи, а настоящих чудовищ на троне в лице Тиберия, Каллигулы и Нерона. Их пугающие и завораживающие портреты, созданные Светонием, привлекли внимание римских читателей, круг которых, как сейчас предполагается, был весьма широк. Мало того, книга Светония оказала большое влияние и на мировое культурное пространство более поздних времен, так как из нее черпали сюжеты многие писатели, поэты, драматурги, художники, сценаристы и режиссеры. Благодаря этому «Жизнь двенадцати цезарей» определила восприятие римской истории эпохи Ранней империи даже для тех, кто весьма далек от изучения древних трактатов.

Приступая к прочтению этой книги, следует помнить, что из-за своей специфики она не может восприниматься как объективное и однозначно достоверное повествование об истории Рима времен становления имперской государственности. Тем не менее сочинение Светония предоставляет нам уникальную возможность познакомиться с «живым» Римом: подслушать сплетни, рассказанные в общественных банях и на пирах аристократов, заглянуть на страницы язвительных оппозиционных памфлетов, прочитать фрагменты личных писем и в итоге увидеть владык исчезнувшей мировой державы, некогда простиравшейся от Британии до Ближнего Востока, глазами их предвзятых подданных.

*Клейменов Александр Анатольевич,
доктор исторических наук,
старший научный сотрудник кафедры истории
и археологии Тульского государственного педагогического
университета им. Л.Н. Толстого*

КНИГА ПЕРВАЯ

БОЖЕСТВЕННЫЙ ЮЛИЙ

1. На шестнадцатом году он потерял отца. Год спустя, уже назначенный жрецом Юпитера, он расторг помолвку с Коссуцией, девушкой из всаднического, но очень богатого семейства, с которой его обручили еще подростком, — и женился на Корнелии, дочери того Цинны, который четыре раза был консулом. Вскоре она родила ему дочь Юлию. Диктатор Сулла никакими средствами не мог добиться, чтобы он развелся с нею. (2) Поэтому, лишенный и жреческого сана, и жениного приданого, и родового наследства, он был причислен к противникам диктатора и даже вынужден скрываться. Несмотря на мучившую его перемежающуюся лихорадку, он должен был почти каждую ночь менять убежище, откупаясь деньгами от сыщиков, пока наконец не добился себе помилования с помощью девственных весталок и своих родственников и свойственников — Мамерка Эмилия и Аврелия Котты. (3) Сулла долго отвечал отказами на просьбы своих преданных и видных приверженцев, а те настаивали и упорствовали; наконец, как известно, Сулла сдался, но воскликнул, повинувшись то ли божественному внушению, то ли собственному чутью: «Ваша победа, получайте его! но знайте: тот, о чьем спасении вы так стараетесь, когда-нибудь станет погибелью для дела оптиматов, которое мы с вами отстаивали: в одном Цезаре таится много Мариев!»

2. Военную службу он начал в Азии, в свите претора Марка Терма. Отправленный им в Вифинию, чтобы привести флот, он надолго задержался у Никомеда. Тогда и пошел слух, что царь растлил его чистоту; а он усугубил этот слух тем, что через несколько дней опять поехал в Вифинию под предлогом взыскания долга, причитавшегося одному его клиенту-вольнотпущеннику. Дальнейшая служба принесла ему больше славы, и при взятии Митилен он получил от Терма в награду дубовый венок.

3. Он служил и в Киликии при Сервиллии Исаврикe, но недолго: когда пришла весть о кончине Суллы и явилась надежда на новую смуту, которую затевал Марк Лепид, он поспешно вернулся в Рим. Однако от сообщества с Лепидом он отказался, хотя тот и прельщал его большими выгодами. Его разочаровал как вождь, так и самое предприятие, которое обернулось хуже, чем он думал.

4. Когда мятеж был подавлен, он привлек к суду по обвинению в вымогательстве Корнелия Долабеллу, консуляра и триумфатора; но подсудимый был оправдан. Тогда он решил уехать на Родос, чтобы скрыться от недругов и чтобы воспользоваться досугом и отдыхом для занятий с Аполлоном Молоном, знаменитым в то время учителем красноречия. Во время этого переезда, уже в зимнюю пору, он возле острова Фармакусы попался в руки пиратам, и, к великому своему негодованию, оставался у них в плену около сорока дней. При нем были только врач и двое служителей: (2) остальных спутников и рабов он сразу разослал за деньгами для выкупа. Но когда наконец он выплатил пиратам пятьдесят талантов и был высажен на берег, то без промедления собрал флот, погнался за ними по пятам, захватил их и казнил той самой казнью, какой не раз шутил им грозил. Окрестные области опустошал в это время Митридат; чтобы не показаться безучастным к бедствиям союзников, Цезарь покинул Родос, цель своей поездки, переправился в Азию, собрал вспомогательный отряд и выгнал из провинции царского военачальника, удержав этим в повиновении колеблющиеся и нерешительные общины.

5. Первой его должностью по возвращении в Рим была должность войскового трибуна, присужденная ему народным голосованием. Здесь он деятельно помогал восстановлению власти народных трибунов, урезанной при Сулле. Кроме того, он воспользовался постановлением Плотия, чтобы вернуть в Рим Луция Цинну, брата своей жены, и всех, кто вместе с ним во время гражданской войны примкнул к Лепиду, а после смерти Лепида бежал к Серторию; и он сам произнес об этом речь.

6. В бытность квестором он похоронил свою тетку Юлию и жену Корнелию, произнеся над ними, по обычаю, похвальные речи с ростральной трибуны. В речи над Юлией он, между прочим, так говорит о предках ее и своего отца: «Род моей тетки Юлии восходит по матери к царям, по отцу же к бессмертным богам: ибо от Анка Марция происходят Марции-цари, имя которых носила ее мать, а от богини Венеры — род Юлиев, к которому принадлежит и наша семья. Вот почему наш род облечен неприкосновенностью, как цари, которые могуществом превыше всех людей, и благоговением, как боги, которым подвластны и самые цари».

(2) После Корнелии он взял в жены Помпею, дочь Квинта Помпея и внучку Луция Суллы. Впоследствии он дал ей развод по подозрению в измене с Публием Клодием. О том, что Клодий проник к ней в женском платье во время священного праздника, говорили с такой уверенностью, что сенат назначил следствие по делу об оскорблении святынь.

7. В должности квестора он получил назначение в Дальнюю Испанию. Там он, по поручению претора объезжая однажды для судопроизводства общинные собрания, прибыл в Гадес и увидел в храме Геркулеса статую Великого Александра. Он вздохнул, словно почувствовав отвращение к своей бездеятельности, — ведь он не совершил еще ничего достопамятного, тогда как Александр в этом возрасте уже покорил мир, — и тотчас стал добиваться увольнения, чтобы затем в столице воспользоваться первым же случаем для более великих дел. (2) На следующую ночь его смутил сон — ему привиделось, будто он насилует собственную мать; но толкователи еще больше возбудили его надежды, заявив, что сон предвещает ему власть над всем миром, так как мать, которую он видел под собой, есть не что иное, как земля, почитаемая родительницей всего живого.

8. Покинув, таким образом, свою провинцию раньше срока, он явился в латинские колонии, которые добивались тогда для себя гражданских прав. Несомненно, он склонил бы их на какой-нибудь дерзкий шаг, если бы консулы, опасаясь этого, не задержали на время отправку избранных для Киликии легионов.

9. Это не помешало ему вскоре пуститься в Риме на еще более смелое предприятие. Именно за несколько дней до своего вступления в должность эдила он был обвинен в заговоре с Марком Крассом, консуляром, и с Публием Суллой и Луцием Автронием, которые должны были стать консулами, но оказались уличены в подкупе избирателей. Предполагалось, что в начале нового года они нападут на сенат, перебьют намеченных лиц, Красс станет диктатором, Цезарь будет назначен начальником конницы, и, устроив государственные дела по своему усмотрению, они вернут консульство Автронию и Сулле. (2) Об этом заговоре упоминают Танузий Гемин в истории, Марк Бибул в эдиктах, Гай Курион Старший в речах; то же самое, по-видимому, имеет в виду и Цицерон, когда в одном из писем к Аксию говорит, что Цезарь, став консулом, утвердился в той царской власти, о которой помышлял еще эдилом. Танузий добавляет, что из раскаяния или из страха Красс не явился в назначенный для избирения день, а потому и Цезарь не подал условленного знака: по словам Куриона, было условлено, что Цезарь спустит тогу с одного плеча. (3) Тот же Курион, а с ним и Марк Акторий Назон сообщают, что Цезарь вступил в заговор также с молодым Гнеем Пизоном; а когда возникло подозрение, что в Риме готовится заговор и Пизон без просьбы и вне очереди получил назначение в Испанию, то они договорились, что одновременно поднимут мятеж — Цезарь в Риме, а Пизон в провинции — при поддержке амбронов и транспаданцев. Смерть Пизона разрушила замыслы обоих.

10. В должности эдила он украсил не только комиций и форум с базиликами, но даже на Капитолии выстроил временные портики, чтобы показывать часть убранства от своей щедрости. Игры и травли он устраивал как совместно с товарищем по должности, так и самостоятельно, поэтому даже общие их траты приносили славу ему одному. Его товарищ Марк Бибул открыто признавался, что его постигла участь Поллукса: как храм божественных близнецов на форуме называли просто храмом Кастора, так и его совместную с Цезарем щедрость приписывали одному Цезарю. (2) Вдобавок Цезарь устроил и гладиаторский бой, но вывел меньше сражающихся пар, чем

собирался: собранная им отовсюду толпа бойцов привела его противников в такой страх, что особым указом было запрещено кому бы то ни было держать в Риме больше определенного количества гладиаторов.

11. Снискав расположение народа, он попытался через трибунов добиться, чтобы народное собрание предоставило ему командование в Египте. Поводом для внеочередного назначения было то, что александрийцы изгнали своего царя, объявленного в сенате союзником и другом римского народа: в Риме это вызвало общее недовольство. Он не добился успеха из-за противодействия оптиматов. Стараясь в отместку подорвать их влияние любыми средствами, он восстановил памятники побед Гая Мария над Югуртой, кимврами и тевтонами, некогда разрушенные Суллой; а председательствуя в суде по делам об убийствах, он объявил убийцами и тех, кто во время проскрипций получал из казны деньги за головы римских граждан, хотя Корнелиевы законы и делали для них исключение.

12. Он даже нанял человека, который обвинил в государственной измене Гая Рабирия, чьими стараниями незадолго до того сенат подавил мятеж трибуна Луция Сатурнина. А когда жребий назначил его судьей в этом деле, он осудил Рабирия с такой страстностью, что тому при обращении к народу более всего помогла ссылка на враждебность судьи.

13. Оставив надежду получить провинцию, он стал домогаться сана великого понтифика с помощью самой расточительной щедрости. При этом он вошел в такие долги, что при мысли о них он, говорят, сказал матери, целуя ее утром перед тем, как отправиться на выборы: «Или я вернусь понтификом, или совсем не вернусь». И действительно, он настолько пересилил обоих своих опаснейших соперников, намного превосходивших его и возрастом и положением, что даже в их собственных трибах он собрал больше голосов, чем оба они во всех вместе взятых.

14. Он был избран претором, когда был раскрыт заговор Катилины и сенат единогласно осудил заговорщиков на смертную казнь. Он один предложил разослать их под стражей по муниципиям, конфисковав имущество. При этом, живописуя

народную ненависть, которую навеки навлекут сторонники более крутых мер, он нагнал на них такого страха, что Децим Силан, назначенный консул, решился даже смягчить свое первоначальное мнение — переменить его открыто было бы позором — и заявил, будто оно было истолковано суровее, чем он имел в виду. (2) Цезарь привлек на свою сторону многих, в том числе брата консула Цицерона, и добился бы победы, если бы колеблющемуся сенату не придала стойкости речь Марка Катона. Но и тогда он не переставал сопротивляться, пока римские всадники, вооруженной толпой окружавшие сенат под предлогом охраны, не стали угрожать ему смертью за его непомерное упорство. Они уже подступали к нему с обнаженными клинками, сидевшие рядом сенаторы покинули его, и лишь немногие приняли его под защиту, заключив в объятия и прикрыв тогой. Лишь тогда в явном страхе он отступил и потом до конца года не показывался в сенате.

15. В первый же день своей претуры он потребовал, чтобы Квинт Катул дал перед народом отчет о восстановлении Капитолия, и даже внес предложение передать это дело другому. Но он был бессилен против единодушного сопротивления оптиматов: увидев, как они сбегаются толпами, покидая новоизбранных консулов, полные решимости дать отпор, он отказался от этого предприятия.

16. Тем не менее, когда народный трибун Цецилий Метелл, невзирая на запрет других трибунов, выступил с самыми мятежными законопредложениями, Цезарь встал на его защиту и поддерживал его с необычайным упорством, пока сенат указом не отстранил обоих от управления государством. Несмотря на это, он отважился остаться в должности и править суд; лишь когда он узнал, что ему готовы воспрепятствовать силой оружия, он распустил ликторов, снял преторскую тогу и тайком поспешил домой, решив при таких обстоятельствах не поднимать шуму. (2) Через день к его дому сама собой, никем не подстрекаемая, собралась огромная толпа и буйно предлагала свою помощь, чтобы восстановить его в должности; но он сумел ее унять. Так как этого никто не ожидал, то сенат, спешно созванный по поводу этого сборища, выразил

ему благодарность через лучших своих представителей; его пригласили в курию, расхвалили в самых лестных выражениях и, отменив прежний указ, полностью восстановили в должности.

17. Но ему угрожала новая опасность: он был объявлен сообщником Катилины. Перед следователем Новием Нигром об этом заявил доносчик Луций Веттий, а в сенате — Квинт Курий, которому была назначена государственная награда за то, что он первый раскрыл замыслы заговорщиков. Курий утверждал, что слышал об этом от Катилины, а Веттий даже обещал представить собственноручное письмо Цезаря Катилине. (2) Цезарь, не желая этого терпеть, добился от Цицерона свидетельства, что он сам сообщил ему некоторые сведения о заговоре. Курия этим он лишил награды, а Веттий, наказанный взысканием залога и конфискацией имущества, едва не растерзанный народом прямо перед ростральной трибуной, был брошен им в тюрьму вместе со следователем Новием, принявшим жалобу на старшего по должности.

18. После претуры он получил по жребию Дальнюю Испанию. Его не отпускали кредиторы; он отделался от них с помощью поручителей и уехал в провинцию, не дождавшись, вопреки законам и обычаям, распоряжений и средств. Неизвестно, опасался ли он грозившего ему частного иска или торопился прийти на помощь умоляющим союзникам.

Наведя порядок в провинции, он с той же поспешностью, не дожидаясь преемника, устремился в Рим искать триумфа и консульства. (2) Но срок выборов был уже назначен, и он мог выступить соискателем, лишь вступив в город как частный человек. Он пытался добиться для себя исключения из закона, но встретил сопротивление и должен был отказаться от триумфа, чтобы не потерять консульство.

19. Соискателей консульства было двое: Марк Бибул и Луций Лукцей; Цезарь соединился с последним. Так как тот был менее влиятелен, но очень богат, они договорились, что Лукцей будет обещать центуриям собственные деньги от имени обоих. Оптиматы, узнав об этом, испугались, что Цезарь не остановится ни перед чем, если будет иметь товарищем по высшей

должности своего союзника и единомышленника: они дали Бибулу полномочия на столь же щедрые обещания, и многие даже снабдили его деньгами. Сам Катон не отрицал, что это совершается подкуп в интересах государства.

(2) Так он стал консулом вместе с Бибулом. По той же причине оптиматы позаботились, чтобы будущим консулам были назначены самые незначительные провинции — одни леса да пастбища. Такая обида побудила его примкнуть во всех своих действиях к Гнею Помпею, который в это время был не в ладах с сенатом, медлившим подтвердить его распоряжения после победы над Митридатом. С Помпеем он помирил Марка Красса — они враждовали еще со времени их жестоких раздоров при совместном их консульстве — и вступил в союз с обоими, договорившись не допускать никаких государственных мероприятий, не угодных кому-либо из троих.

20. По вступлении в должность он первый приказал составлять и обнародовать ежедневные отчеты о собраниях сената и народа. Далее он восстановил древний обычай, чтобы в те месяцы, когда фаски находились не у него, перед ним всюду ходил посыльный, а ликторы следовали сзади. Когда же он внес законопроект о земле, а его коллега остановил его, ссылаясь на дурные знаменья, он силой оружия прогнал его с форума. На следующий день тот подал жалобу в сенат, но ни в ком не нашел смелости выступить с докладом о таком насилии или хотя бы предложить меры, обычные даже при меньших беспорядках. Это привело Бибула в такое отчаяние, что больше он не выходил из дому до конца своего консульства и лишь в эдиктах выражал свой протест.

(2) С этого времени Цезарь один управлял всем в государстве по своей воле. Некоторые остроумцы, подписываясь свидетелями на бумагах, даже помечали их в шутку не консульством Цезаря и Бибула, а консульством Юлия и Цезаря, обозначая, таким образом, одного человека двумя именами; а вскоре в народе стал ходить и такой стишок:

В консульство Цезаря то, а не в консульство Бибула было:

В консульство Бибула, друг, не было впрямь ничего.

(3) Стеллатский участок, объявленный предками неприкосновенным, и Кампанское поле, оставленное в аренде для пополнения казны, он разделил без жребия между двадцатью тысячами граждан, у которых было по трое и больше детей. Откупщикам, просившим о послаблении, он сбавил третью часть откупной суммы и при всех просил их быть умеренней, когда придется набавлять цену на новые откупа. Вообще он щедро раздавал все, о чем был его ни просили, не встречая противодействия или подавляя его угрозами. (4) Марка Катона, выступившего в сенате с запросом, он приказал ликтору вытащить из курии и отвести в тюрьму. Луция Лукулла, который слишком резко ему возражал, он так запугал ложными обвинениями, что тот сам бросился к его ногам. Цицерон однажды в суде оплакивал положение государства — Цезарь в тот же день, уже в девятом часу, перевел из патрициев в плебеи врага его, Публия Клодия, который добивался этого долго и тщетно (5). Наконец, он нанял доносчика против всей враждебной партии в целом: тот должен был объявить, что его подговаривали на убийство Помпея, и, представ перед рострами, назвать условленные имена подстрекателей. Но так как одно или два из этих имен были названы напрасно и только возбудили подозрение в обмане, он разочаровался в успехе столь опрометчивого замысла и, как полагают, устранил доносчика ядом.

21. Около того же времени он женился на Кальпурнии, дочери Луция Пизона, своего преемника по консульству, а свою дочь Юлию выдал за Гнея Помпея, отказав ее первому жениху Сервилию Цепиону, хотя тот и был его главным помощником в борьбе против Бибула. Породнившись с Помпеем, он стал при голосовании спрашивать мнение у него первого, тогда как раньше он начинал с Красса, а обычай требовал держаться в течение всего года того порядка спроса, какой был принят консулом в январские календы.

22. При поддержке зятя и тестя он выбрал себе в управление из всех провинций Галлию, которая своими богатыми возможностями и благоприятной обстановкой сулила ему триумфы. Сначала он получил по Ватиниеву закону только

Цизальпинскую Галлию с прилежащим Иллириком, но вскоре сенат прибавил ему и Косматую Галлию: сенаторы боялись, что в случае их отказа он получит ее от народа. (2) Окрыленный радостью, он не удержался, чтобы не похвалиться через несколько дней перед всем сенатом, что он достиг цели своих желаний, несмотря на недовольство и жалобы противников, и что теперь-то он их всех оседляет. Кто-то оскорбительно заметил, что для женщины это нелегко; он ответил, как бы шутя, что и в Сирии царствовала Семирамида, и немалой частью Азии владели некогда амазонки.

23. По окончании его консульства преторы Гай Меммий и Луций Домиций потребовали расследования мероприятий истекшего года. Цезарь поручил это сенату, но сенат отказался. Потратив три дня в бесплодных пререканиях, он уехал в провинцию. Тотчас, как бы в знак предупреждения ему, был взят под суд по нескольким обвинениям его квестор; а вскоре и его самого потребовал к ответу народный трибун Луций Антистий, и только обратясь к другим трибунам, Цезарь добился, чтобы его не привлекали к суду, пока он отсутствует по делам государства. (2). А чтобы быть уверенным и в будущем, он особенно старался иметь каждый год среди магистратов людей, ему обязанных, и только тем соискателям помогал или допускал их до власти, которые соглашались защищать его во время отсутствия; он доходил до того, что от некоторых требовал клятвы и даже расписки.

24. Но когда Луций Домиций, выдвинутый в консулы, стал открыто грозить, что, став консулом, он добьется того, чего не добился претором, и отнимет у Цезаря его войско, — тогда Цезарь вызвал Красса и Помпея в Луку, один из городов своей провинции, и убедил их просить второго консульства, чтобы свалить Домиция; для себя же он с их помощью добился сохранения командования еще на пять лет. (2) Полагаясь на это, он вдобавок к легионам, полученным от государства, набрал новые на собственный счет, в том числе один — из трансальпийских галлов (он носил галльское название «алауда»), которых он вооружил и обучил по римскому образцу и которым впоследствии всем даровал римское гражданство.